

Приказ: фамилий не называть

Дмитрий Головин. Знаменитый баритон, царствовавший на сцене Большого с 20-х по 40-е годы, до того самого момента, когда артист был арестован и отправлен в один из самых страшных лагерей сталинского ГУЛАГа — «Идевлаг». Имя Дмитрия Головина, чей голос покорило слушателей многих стран мира, о ком С. Лемешев написал, что «он часто пел так, как до него никто не пел», оказалось вычеркнутым из истории театра, и понадобилось немало лет, прежде чем о нем заговорили вновь.

Воспоминания о Д. Головине, которые мы предлагаем вниманию читателей, принадлежат Матвею Грину, журналисту и писателю, близко знавшему артиста в те годы, когда один из них руководил театром за колючей проволокой, а другой — выступал на его сцене.

Как-то меня вызвали в культурно - воспитательный отдел и сказали, что сегодня в клубе Дзержинского состоится особый концерт, на котором будут присутствовать члены комплексной экспедиции Академии наук СССР — доктора наук, кандидаты — человек 40!

— Ездят тут, только работать мешают, — сказал начальник КВО. Чувствовалось, что его бы воля — эти «академики» отсюда никуда бы не уехали!

Вечером нас вывели из зоны. Конвой был по «первому» разряду — с собаками, долгим пересчетом на вахте, обязательной «молитвой»: «Шаг влево, шаг вправо рассматривается как побег»...

Пришли в клуб, расположились в гримборных, и тут прибежал наш лейтенант — начальник театра и, отозвав меня в сторону, сказал:

— Есть приказ — фамилий артистов не называть!

— А как же объявлять?

— А так: выступает солист ансамбля... аккомпанирует солист оркестра, танцуют солистки балета... Ясно?

Я поставил в известность артистов и начал концерт. Все шло спокойно, пока я не объявил: «Элегия», музыка Массне, исполняет солист оркестра театра...

За рояль сел Жора Чахматов, с виолончелью вышел Миша Гессель, а из кулис появился Головин... И вдруг зал — его штатская часть — загудел: москвичи узнали Головина.

Лагерное начальство сидело мрачнее тучи, но что они могли поделать? Видимо, приказ о концерте для «академиков» был дан с «большого верха».

Мы стояли за кулисами и молили Бога, чтобы «старик» справился с волнением и смог петь! Он справился — спел «Элегию», потом арию Мазепы, спел незатейливые песенки «Торритомба» и «Хороши весной в саду цветочки», песню из кинофильма «Дума про казака Голоту» — он ее и в фильме пел.

Головина не отпускали... Его выступлением мы закончили первое отделение и ушли за кулисы. И тут произошло невероятное — вся московская академическая комиссия кинулась за кулисы.

Лейтенант уговаривал гостей не рваться за кулисы, но ничего не помогало. Мы думали, что концерт прекратят, а нас уведут в зону, но, видимо, было какое-то указание насчет этой комиссии, и начальство в конце концов разрешило гостям пойти к артистам.

Ученые обступили Головина, совали ему в карман деньги, пока кто-то из наших не сказал, что деньги здесь не нужны — нам ничего не продают... Тогда те, кто помоложе, кинулись в лагерную гостиницу и через несколько минут притащили нам, вероятно, все свои московские запасы! На столе уже лежали груды колбас (мы ее не видели годами), сгущенка, печенье, лимоны, ну просто «пир богов»!

На следующее утро театр по местному выражению чудесной комической старухи из Курска Варвары Николаевны Ермиловой, «задумался»: все ходили грустные, женщины плакали, мужчины сосредоточенно курили, и такая тоска и обида царил в бараке, что репетировать не было никакой возможности. То и дело слышалось: за что? Кому от этого хорошо? Зачем?

Но кто мог тогда ответить на эти вопросы?